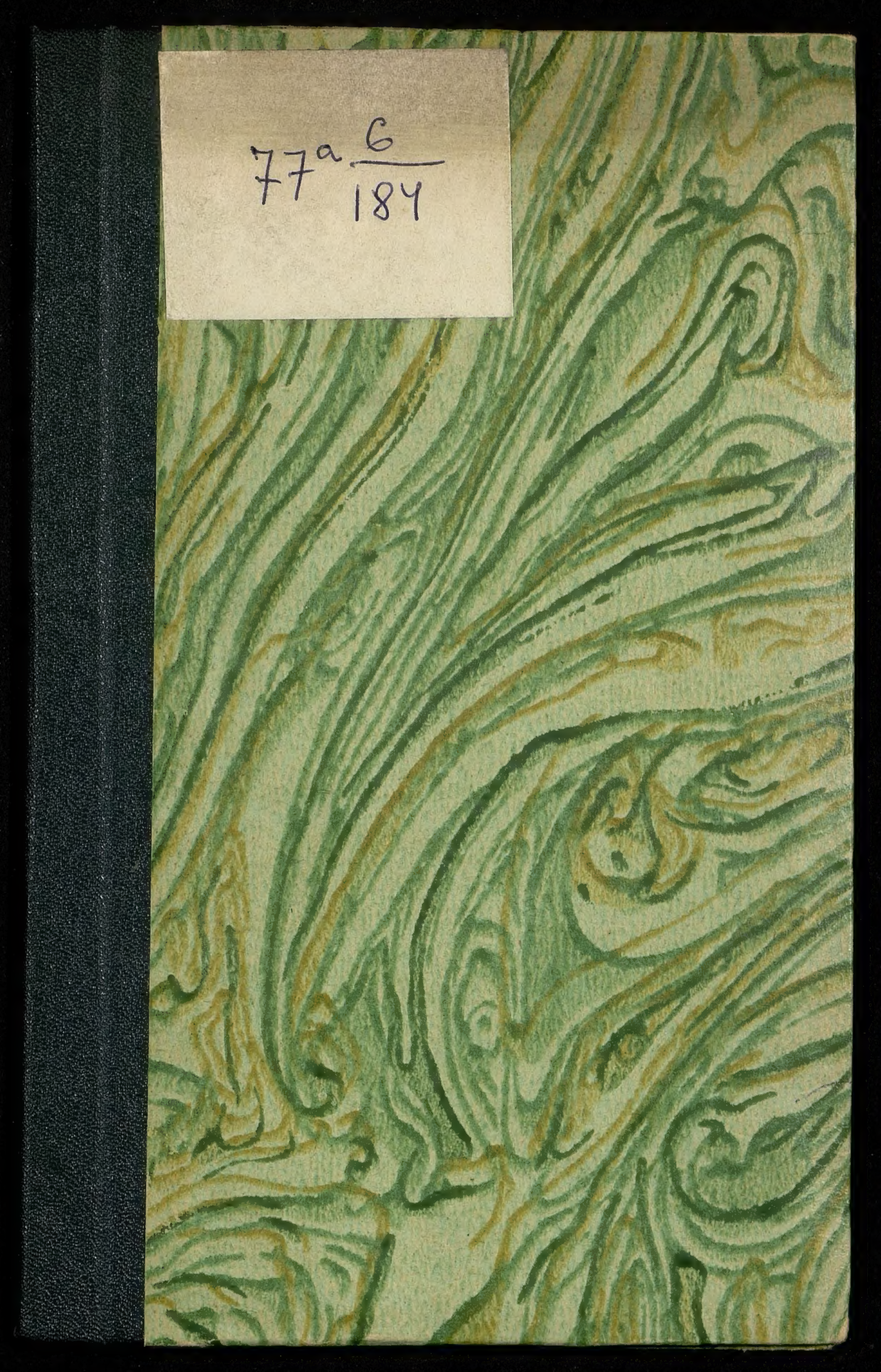
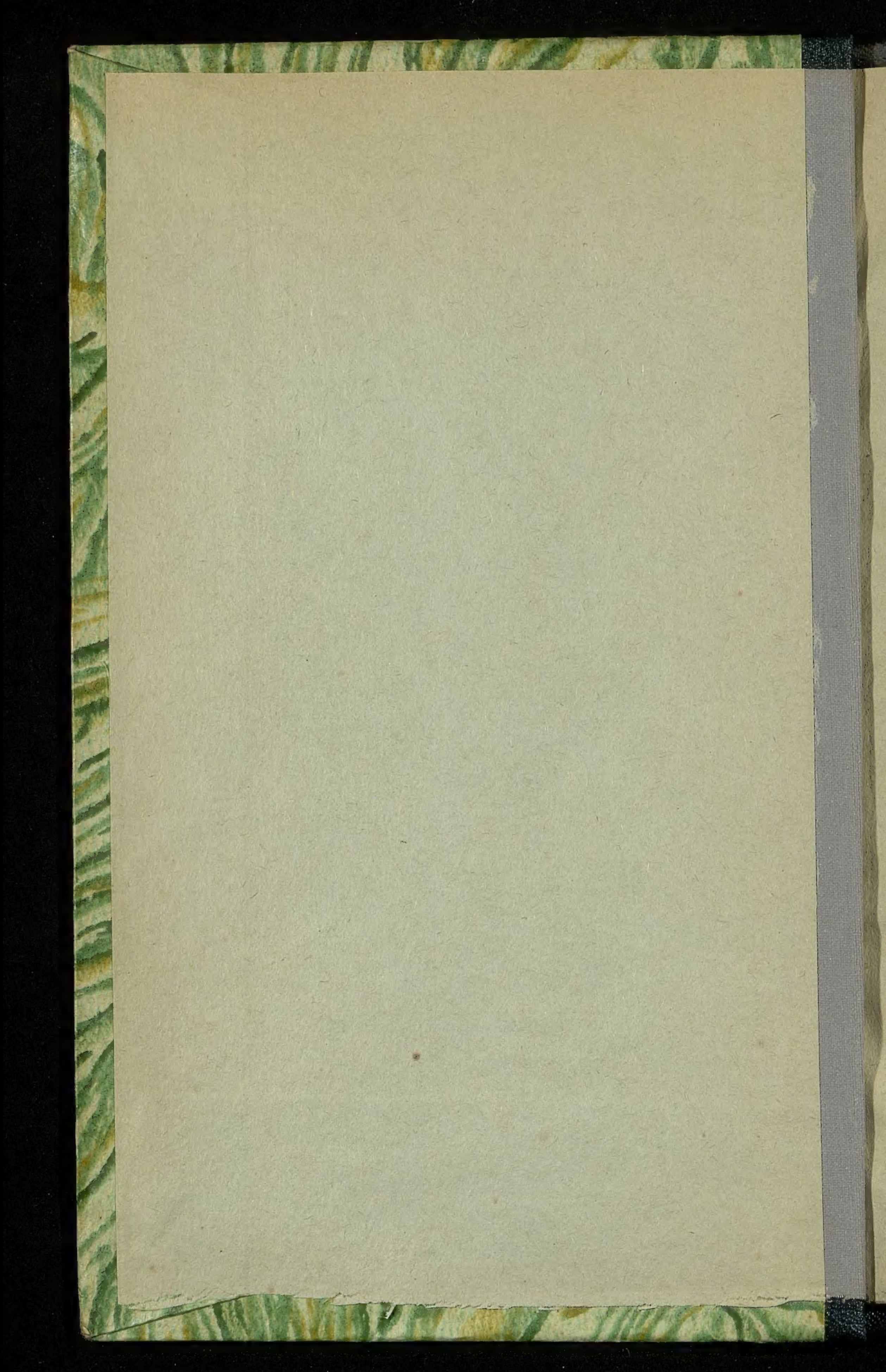
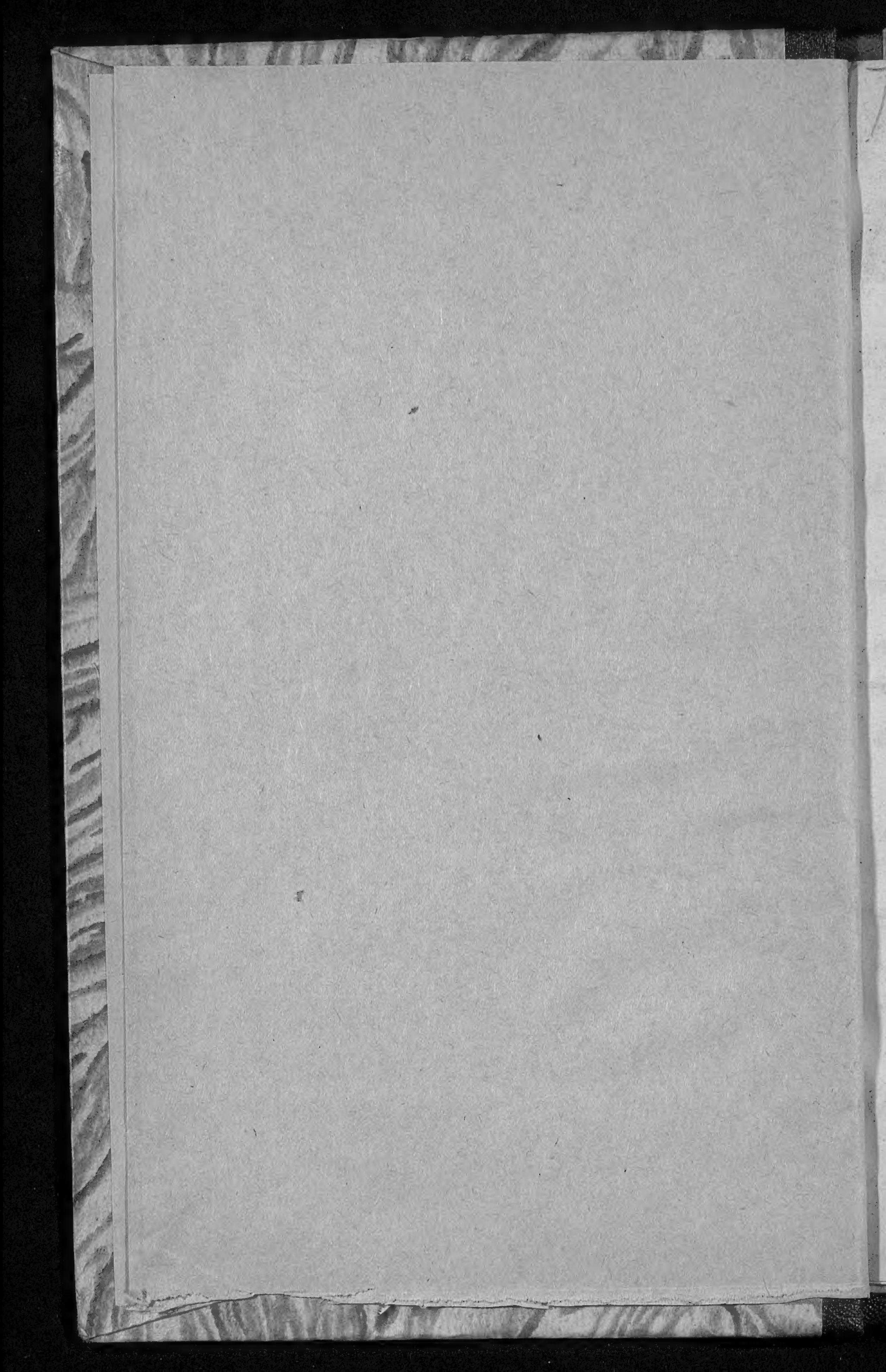

77a 6/184

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ, ПЕРВЫЙ МОСКОВСКІЙ КНИГОПЕЧАТНИКЪ.

Московскіе книгопечатники, принадлежащіе преимущественно къ Синодальной типографіи, вознамѣрились въ прошедшемъ году почтить память ихъ родоначальника, Гостунскаго діакона Ивана Ѳедорова, въ день его кончины 5-го декабря, потому что въ этомъ году исполнилось трехсотлѣтіе напечатанному имъ (1569 г.) славянскому Евангелію, въ Заблудовьѣ, близь Бѣлостока. Достохвальное намѣреніе свое они довели до свѣдѣнія Археологическаго общества, которое почло прямою своею обязанностію содѣйствовать ему, и мнѣ, какъ одному изъ смиренныхъ представителей печати въ Москвѣ, досталось на долю собрать всѣ біографическія свѣдѣнія о почтенномъ труженикѣ, водворившемъ у насъ великое изобрѣтеніе Гуттенберга. Торжество, по причинѣ рабочаго времени, отложено было до нынѣшняго дня [1]).

О первоначальной жизни Ивана Ѳедорова ничего неизвѣстно. Мы должны довольствоваться только тѣми свѣдѣніями о немъ, которыя сообщилъ онъ самъ въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ къ разнымъ своимъ изданіямъ, и дополнить ихъ догадками, болѣе или менѣе вѣроятными. Свѣдѣній этихъ мало, но онѣ вѣрны, и мы попытаемся возстановить по нимъ, хоть въ общихъ чертахъ, нравственный образъ этого замѣчательнаго русскаго человѣка, до сихъ поръ не оцѣненнаго по достоинству.

Изъ послѣсловія къ первому Апостолу, напечатанному Иваномъ Ѳедоровымъ въ Москвѣ (1564 г.), мы узнаемъ, что онъ былъ діакономъ въ церкви Николы Гостунскаго, построенной при Іоаннѣ III, по

---

[1]) Торжество въ память Ивана Ѳедорова происходило 5-го января текущаго года.

мысли его супруги, греческой царевны Софіи Ѳоминичны, на мѣстѣ Татарскаго подворья въ Кремлѣ [1]).

Первоначальная мысль о печатаніи книгъ въ Москвѣ принадлежитъ, какъ сказано тамъ же въ предисловіи, къ 1547 году, то-есть, къ первому году непосредственнаго участія въ управленіи знаменитаго Новогородскаго священника Сильвестра. Извѣстно впрочемъ и по другимъ документамъ, что въ этомъ году было поручено отъ нашего правительства Саксонцу Шлитту пріискать въ Германіи способныхъ людей для различныхъ искусствъ, и между прочимъ для книжнаго дѣла. Порученіе это не состоялось вслѣдствіе препятствій, поставленныхъ изъ ревности Ливонскимъ орденомъ, но можетъ-быть, тогда попали къ намъ какъ-нибудь изъ чужихъ краевъ мастера, провѣдавшіе, что въ Москвѣ настоитъ въ нихъ нужда, только не изъ Германіи, а вѣроятно, изъ Италіи, которую въ дѣлѣ книгопечатанія ставятъ въ примѣръ слова послѣсловія: „Яко же въ Грекехъ, и въ Венецыи, и во Фригіи, и во прочихъ языцѣхъ, дабы впредъ святыя книги изложилися праведнѣ". Можетъ-быть, Максимъ Грекъ, жившій въ Троицкомъ монастырѣ, и коротко знакомый съ Италіей, гдѣ провелъ свою молодость, указывалъ на эту страну. Да и Венеціанскія тогдашнія изданія церковныхъ славянскихъ книгъ могли навести на мысль объ Италіи. По справедливому замѣчанію инспектора нынѣшней Синодальной типографіи, В. Е. Румянцова, всѣ техническія слова въ печатномъ дѣлѣ не нѣмецкія, а италіанскія: тередорщикъ, батырщикъ, стамна, и пр. Я сказалъ: пришли мастера изъ Италіи; а можетъ-быть, и наши, избранные на то люди, то-есть, Иванъ Ѳедоровъ Москвитянинъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ (изъ города Мстиславля) посланы были туда учиться.

Есть еще извѣстіе у Снегирева [2]) о письмѣ царя Ивана Васильевича къ Датскому королю Христіану III, 1550 года, которымъ царь

---

[1]) Эта церковь называлась прежде Николою Льнянымъ (или, по словамъ Снегирева, Ельнянымъ) (?) и переименована Гостунскимъ соборомъ по перенесеніи туда чудотворной иконы св. Николая изъ села Гостуни, на рѣчкѣ Гостуни, въ Лихвенскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Снегиревъ (*Русскій Историческій Сборникъ*, ч. IV, кн. 1, ст. 117) называетъ Ивана Ѳедорова уроженцемъ этого села, не знаю на какомъ основаніи, потому что въ послѣсловіи онъ называется только Николы чудотворца Гостунскаго діакономъ. На мѣстѣ деревянной церкви при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ построена была каменная. Я еще помню ее въ Кремлѣ, на срединѣ Красной площади; послѣ французскаго разоренія она перенесена въ зданіе Ивановской колокольни.

[2]) Тамъ же, стр. 123.

будто бы просилъ его о доставленіи въ Москву разныхъ художниковъ, особенно книгопечатниковъ, что̀ король и обѣщалъ [1]). Въ русскихъ документахъ нѣтъ никакого извѣстія объ этомъ письмѣ. Притомъ, по извѣстію предисловія, начало исканія искусныхъ людей для Москвы относится къ 1547 году, а письмо принадлежитъ къ 1550 году.

Въ 1552 году Христіанъ III, горячій ревнитель лютеранства, присылалъ письмо къ царю Ивану Васильевичу съ „любимымъ слугою и подданнымъ Гансомъ Миссенгеймомъ", который привезъ съ собою Библію и предлагалъ напечатать ея переводъ въ Москвѣ. Въ этомъ письмѣ не упоминается вовсе о прежней просьбѣ царя Ивана Васильевича, ни объ обѣщаніи Христіана III. Далѣе Христіанъ проситъ скорѣе отпустить его посланнаго съ отвѣтомъ. О пребываніи Миссенгейма, который прозывается еще Богбиндеромъ (переплетчикомъ), также и объ отвѣтѣ царскомъ у насъ нѣтъ извѣстій [2]).

Наконецъ, всѣ эти четыре событія, суть событія совершенно одно отъ другаго особыя, не имѣющія между собою никакой видимой связи и раздѣленныя большими промежутками времени: первая мысль о заведеніи книжнаго дѣла въ 1547 году, письмо просительное Ивана Васильевича къ Датскому королю 1550 года, присылка королемъ Миссенгейма или Богбиндера съ Библіей въ 1552 году и приступъ къ дѣлу, то-есть, учрежденіе типографіи въ 1553 году. Къ новому изслѣдованію можно будетъ приступить только съ новыми данными.

Какъ бы то ни было, приготовленія, начавшіяся въ Москвѣ съ 1547 года и выраженныя немногими словами послѣсловія: „начаша изыскивати мастерства печатныхъ книгъ", кончились: Иванъ Ѳедоровъ Москвитянинъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ выучились, за границей или дома, подъ руководствомъ неизвѣстныхъ пока учителей, и въ 1553 году, то-есть, черезъ пять лѣтъ по явленіи мысли, съ благословенія митрополита Макарія, знаменитаго своею любовію къ просвѣщенію, приступлено къ устройству печатнаго двора: „Благовѣрный царь повелѣ устроити домъ отъ своея царскія казны, идѣже печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателемъ, Никола, чудотворца Гостунскаго, діакону Ивану Ѳедорову, да Петру Тимофееву Мстиславцу, на составленіе

[1]) По указанію Снегирева, Geschichte Christian des IV, Königs in Dänemark, von *Niels Schlangen* u. *I. Schlegeln* Th., 1 и 2. Kopenhagen, 1757, in-4.

[2]) Развѣ утратились они вмѣстѣ съ другими документами изъ царскаго архива? См. Акты Археографической коммиссіи, т. 1, стр. 341, въ извѣстіи объ ящикѣ 62-мъ.

печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію". Изъ этихъ словъ послѣсловія ясно видно, что первые наши книгопечатники стояли во мнѣніи гораздо выше простыхъ работниковъ, и самъ царь, не жалѣя казны для устройства печатнаго дѣла, прилагалъ попеченіе и къ ихъ „упокоенію".

Зданіе было воздвигнуто и печатный дворъ устроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится Синодальная типографія, на Никольской улицѣ.

Это зданіе, скажу здѣсь кстати, стояло только сто лѣтъ, и въ 1650 году былъ воздвигнутъ новый домъ, на воротахъ коего, уже сломанныхъ, въ надписи, по свидѣтельству Карамзина [1]), было сказано: „Божіею милостію и повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлана бысть сія палата и ворота на дворѣ книгъ печатнаго тисненія въ лѣто 7158" (1650 г.) [2]).

Печатаніе Апостола началось 19-го апрѣля 1563 года, при митрополитѣ Макаріѣ, а кончено 1-го марта 1564 года уже при его преемникѣ митрополитѣ Аѳанасіѣ. Въ типографскомъ отношеніи, что ка-

---

[1]) *Карамзина,* Исторія госуд. Росс., т. IX, примѣч. 89.

[2]) Эти ворота я также помню по случаю, который могъ кончиться для меня дурно. Мальчикъ по десятому году, но уже страстный охотникъ до чтенія, шелъ я изъ типографіи А. Г. Рѣшетникова, съ надаренными тамъ мнѣ романами, по Никольской улицѣ. Вдругъ вижу — стѣна не вдалекѣ отъ меня падаетъ, я хочу отбѣжать; она рухнулась и однимъ отлетѣвшимъ камнемъ зашибла меня такъ, что я упалъ и былъ оттащенъ прохожими къ какому-то забору на противоположной сторонѣ. Это было паденіе послѣдняго уголка воротъ, описанныхъ Карамзинымъ, съ гербомъ типографіи—львомъ и конемъ, который изображенъ на нынѣшнихъ пригласительныхъ билетахъ Археологическаго общества. Уголъ былъ подломанъ для облегченія или ускоренія работъ, но теперь мудрено объяснить себѣ, какимъ образомъ можно было допустить ломаніе зданія такимъ опаснымъ способомъ: стѣна вѣдь должна была упасть прямо на противоположный домъ и жестоко повредить ему. Я не знаю впрочемъ, стоялъ ли уже тогда на этомъ мѣстѣ домъ Кусовникова, что̀ нынѣ Чижова. Нечего говорить, что упавшая стѣна должна была надолго загородить всю улицу. Я ничего не помню, кромѣ двухъ картинъ, оставшихся въ моемъ воображеніи: падающей стѣны и себя, лежащаго въ углу подъ заборомъ. Прохожіе распросили меня о моемъ жилищѣ, и на извощикѣ я былъ отправленъ домой. Вотъ первая рана, полученная мною по книжному дѣлу, которое было предназначаемо мнѣ судьбою, и вмѣстѣ основаніе связи моей съ Синодальною типографіей, которая, впрочемъ, за этотъ ударъ, нанесенный ею 60 лѣтъ тому назадъ, вознаграждаетъ меня теперь съ лихвой отличнымъ печатаніемъ моей древней исторіи.

Пусть извинятъ меня читатели за это вводное замѣчаніе, которое пришло мнѣ на память, когда я сталъ выписывать изъ Карамзина надпись на сломанныхъ воротахъ, оставившихъ во мнѣ сильное впечатлѣніе.

сается до красоты буквъ, до правильности строкъ, до бумаги, изданіе очень красиво и беретъ верхъ надъ послѣдовавшими изданіями, даже до новаго времени.

Благополучное совершеніе такого подвига—явленіе первой печатной книги вдругъ, во множествѣ экземпляровъ, удобство и легкость чтенія по ней, должны были показаться для современниковъ чудомъ, должны были обрадовать всѣхъ православныхъ людей, получившихъ теперь возможность пріобрѣтать духовныя сокровища, столь для нихъ вожделѣнныя, съ меньшими затрудненіями и меньшими жертвами. Новый порядокъ вещей, новый кругозоръ, открывался предъ всѣми, искавшими единаго на потребу, а тогда на Руси и не было другихъ искателей. Наши труженики должны были показаться людьми необыкновенными, должны были быть осыпаны почестями и наградами, сдѣлаться предметомъ уваженія для всѣхъ соотечественниковъ, слышать отовсюду выраженія общей признательности, тѣмъ болѣе, что самъ царь, въ продолженіе всего дѣла, прилагалъ стараніе объ ихъ упокоеніи, не щадя своихъ сокровищъ. Довольные, счастливые, они могли теперь опочить, наслаждаться спокойно плодами своихъ трудовъ и гордиться по праву снисканными успѣхами.

Нѣтъ, нѣтъ, милостивые государи, ни наградъ, ни почестей, ни признательности не получили они никакой; не только счастія, но и обыденнаго спокойствія, безопасности не досталось на долю этихъ людей, приложившихъ сердце къ славному своему дѣлу, думавшихъ сослужить великую службу церкви и отечеству, мечтавшихъ содѣйствовать просвѣщенію русскаго народа, спасенію душъ христіанскихъ! Брань, ругательства, напраслины, клеветы, обвиненія чуть не въ уголовномъ преступленіи, въ ереси, достойной всякихъ казней, вотъ что̀ стало удѣломъ достойныхъ дѣлателей, и они должны были искать себѣ спасенія въ скоромъ бѣгствѣ отъ угрожавшихъ опасностей.

— За что̀ же, спрашиваете вы съ удивленіемъ, могли они подвергнуться наказаніямъ? Какой поводъ можно было найдти къ ихъ осужденію? Что̀ сдѣлали они преступнаго? Вѣдь они напечатали Апостолъ?

— Да, они напечатали Апостолъ, Дѣянія, книгу боговдохновенную, написанную святымъ евангелистомъ Лукою, они напечатали соборныя посланія святыхъ апостоловъ Петра, Іоанна, Іуды, Іакова и вселенскаго учителя Павла.

— Но не приложили ли они какихъ-либо своихъ ложныхъ умствованій и кривотолкованій?

— Нѣтъ, къ Московскому Апостолу не приложено ни одной строки посторонней: одни святые глаголы жизни!

— Такъ не испортили ли они первоначальнаго текста какими-нибудь неумѣстными поправками, не сдѣлали ли какихъ умышленныхъ пропусковъ, или какихъ грубыхъ ошибокъ?

— Нѣтъ, все напечатано вѣрно, буква въ букву, какъ признаетъ святая православная церковь.

— Такъ въ чемъ же они могли оказаться виноватыми, за что̀ могли подвергаться наказанію?

— За что̀! Ни за что̀, а такъ, вообще!

Еретики, опасные, неблагонамѣренные люди, нововводители; вотъ только какіе общіе неопредѣленные клики раздавались кругомъ Апостола, напечатаннаго Иваномъ Ѳедоровичемъ и Петромъ Тимофеевичемъ,—этого славнаго памятника человѣческой изобрѣтательности, перенесенной на русскую почву. Больше ничего не было найдено въ доказательство ихъ вины.

Къ сожалѣнію, всѣ любопытныя подробности, сопровождавшія выходъ въ свѣтъ перваго Московскаго Апостола, для насъ пропали: по скромности или соотвѣтственно образу мыслей того времени, отвергавшему все личное, наши изгнанники отозвались только въ общихъ выраженіяхъ о своей напасти, спустя много времени, въ предисловіи къ третьей книгѣ, изданной ими во Львовѣ, и о которой мы уже будемъ говорить ниже. „Друкарня“, говоритъ Иванъ Ѳедоровъ, „составилась въ Москвѣ въ 1563 году. Мы подвержены были тамъ безпрестанно *всякимъ озлобленіямъ*, не отъ самаго государя, а отъ многихъ начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые изъ зависти умышляли на насъ *многія ереси*, намѣревались благо превратить во зло и погубить въ конецъ Божіе дѣло. Такъ обыкновенно поступаютъ *невѣжды, люди злонравные, неискусные въ разумѣ, не навыкшіе грамматической хитрости* (то-есть, не имѣющіе понятія о словесности), *чуждые духовному разуму*. Понапрасну, всуе, пронесли они злое слово. Вотъ она, зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующая, не разумѣющая, что̀ дѣлаетъ, и на чемъ утверждается. Она выгнала насъ изъ земли нашей, изъ отечества и отъ рода нашего; она переселила насъ въ незнаемыя страны“ [1]).

---

[1]) «Друкарня сія составилась въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7071, въ тридесятое лѣто государства его (то-есть, Ивана IV). Сія убо не туне начахъ повѣдати вамъ *но презѣлнаго ради озлобленія* часто случающагося намъ, не отъ самого государя, но отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и

Мы думаемъ, что слово *ересь*, употребленное здѣсь во множественномъ числѣ, не должно принимать въ точномъ смыслѣ, потому что книгопечатаніе не считалось у насъ ересью, и вскорѣ по бѣгствѣ первыхъ книгопечатниковъ, въ 1568 году, была напечатана, какъ недавно сдѣлалось извѣстнымъ, Псалтырь Никифоромъ Тарасьевымъ и Тимофеемъ Невѣжею, и потомъ другая Псалтырь въ 1577 году во вновь устроенной типографіи, въ Александровской слободѣ [1]). *Ереси* употреблено, слѣдовательно, вообще въ смыслѣ винъ и преступленій.

Замѣтимъ еще, что Иванъ Ѳедоровичъ въ этомъ предисловіи не жалуется отнюдь на царя Ивана Васильевича, а только на начальниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Кто же, наконецъ, были эти начальники — обвинители и гонители? Съ какою цѣлію вздумали они гнать достойныхъ людей и взводить на нихъ напраслины?

Имена ихъ умерли, разумѣется, съ ними. На предложенный вопросъ можно отвѣчать только вообще: это были друзья и служители тьмы, тѣ самые, которые и теперь вопіютъ противъ гласности, препятствуя ея водворенію всѣми силами, позволенными и не позволенными средствами. Еще Іоаннъ Богословъ сказалъ: „Всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй же истину грядетъ ко свѣту, да явятся дѣла его, яко Бозѣ суть содѣлана" (Іоаннъ, III, 20, 21). Эти ненавистники свѣта одни и тѣ же: они перемѣняютъ по временамъ только свой костюмъ и пользуются другими предлогами, смотря по обстоятельствамъ. Какъ прежде они осуждали распространеніе слова Божія, такъ послѣ старались они, и стараются вездѣ теперь, о стѣсненіи слова человѣческаго.

Подвергнуться подозрѣнію и обвиненію, въ чемъ бы то ни было, въ царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго — не тѣмъ будь онъ помянутъ — было не шутка, а тогда уже начались казни, уже бѣжалъ

учитель, которые на насъ, зависти ради, многіе ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити, *якоже обычай есть злонравныхъ и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже граматическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполненіе бывше*, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ, и о чемъ утверждается. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна а въ иные страны незнаемы преселили».

[1]) *Карамзинъ*, т. IX, стр. 50, несправедливо считаетъ напечатанною въ этой слободѣ книгою Евангеліе, котораго не видывалъ никто. Объ Евангеліи можно только догадываться, см. слѣдующую страницу.

Курбскій, ужь учреждена была опричнина; и наши книгопечатники рѣшились также по добру по здорову убраться, захвативъ съ собою всѣ типографскія принадлежности [1]).

До бѣгства своего, впрочемъ, они напечатали еще Часовникъ, который до нашего времени оставался въ неизвѣстности. Первый и единственный экземпляръ его посчастливилось мнѣ дорогою цѣною пріобрѣсти въ 40-хъ годахъ на Нижегородской ярмаркѣ, посредствомъ Д. В. Пискарева. Въ послѣсловіи повторено извѣстіе объ учрежденіи въ Москвѣ типографіи: „Повелѣніемъ благочестиваго царя и благословеніемъ преосвященнаго Макарія митрополита всея Россіи, состався сія танба, сирѣчь печатныхъ книгъ дѣло, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ ней же напечатанъ и сія книга Часовникъ, въ лѣто седмь тысящь седмдесять четвертое, сентября въ 2 день, совершенъ того же лѣта октября въ 29-й день, въ тридесять первое лѣто государства царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Россіи, подвиги и тщаніемъ, труды же и сисканіемъ діакона Николы Чудотворца Гостунскаго, Ивана Ѳедорова, да Петра Тимофеева Мстиславца, въ славу Бога единому въ Троицы и пречистѣй Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь“ [2]).

Можетъ-быть, тогда же (ими или въ Слободѣ) напечатано было и Евангеліе, о которомъ ходили у насъ издавна догадки и предположенія, и существованіе котораго доказывается теперь положительно вновь найденнымъ Евангеліемъ на славянскомъ и малороссійскомъ нарѣчіяхъ, печатаннымъ гдѣ-то на югѣ, въ неизвѣстной типографіи, нѣкіимъ Василіемъ Тяпинскимъ, „не докторомъ, не священникомъ, но простымъ человѣкомъ, который хотѣлъ сообщить Евангеліе русскимъ людямъ на простонародномъ языкѣ“. Эту единственную драгоцѣнность имѣлъ я счастье пріобрѣсть также въ 40-хъ годахъ чрезъ Одоевскаго коммиссіонера И. Ѳ. Тархова. Тяпинскимъ напечатано было только Евангеліе отъ Матѳея, Марка и часть отъ Луки. На поляхъ противъ многихъ, видно сомнительныхъ, текстовъ прибавлено: *въ Московскомъ недавно друкованномъ* такъ-то... Чтобъ отыскать это первое Московское Евангеліе, казалось, всего бы вѣрнѣе было найдти такое изданіе, въ которомъ указанныя мѣста напечатаны, какъ отмѣчено Тяпинскимъ; но увы, многія такъ-называемыя у библіографовъ неизвѣстныя Евангелія, то-

[1]) Не бдительна же была тогда наша полиція городская, если можно было убѣжать и на возахъ увезти такое множество всякихъ вещей!

[2]) Нынѣ появился, говорятъ, другой экземпляръ у А. И. Хлудова, пріобрѣтенный въ Лондонѣ.

есть безъ выходовъ, имѣютъ эти мѣста въ одномъ и томъ же видѣ, и нѣтъ никакой возможности опредѣлить по нимъ, которое принадлежитъ трудамъ Ивана Ѳедорова съ его товарищемъ, или трудамъ Слободскихъ печатниковъ, которое есть первое Московское изданіе, и почему оно не было кончено и выпущено въ свѣтъ [1]).

Бѣглецы наши нашли пристанище, какъ и многіе изъ Русскихъ того времени, въ сосѣднихъ владѣніяхъ Сигизмунда-Августа, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, который принялъ ихъ „любезно“ и со всѣми панами рады своей. Но они оставались тамъ недолго: Сигизмунда упросилъ знаменитый гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ отпустить ихъ къ нему въ имѣніе его Заблудовье, около нынѣшняго Бѣлостока. Ходкевичъ снабдилъ желанныхъ гостей всѣмъ нужнымъ, доставилъ всякія удобства, успокоилъ во всѣхъ отношеніяхъ, и мало того, далъ Ивану Ѳедоровичу значительное имѣніе [2]). Ясно, какимъ уваженіемъ пользовались первые книгопечатники!

Наши мастера принялись за любимое свое дѣло съ ревностію, и начавъ печатать учительное Евангеліе 8-го іюля 1568 года, то-есть, года черезъ два съ чѣмъ-нибудь по бѣгствѣ изъ Москвы, кончили его 17-го марта 1569 года.

Все это, какъ о Московскихъ обстоятельствахъ, такъ и о дѣйствіяхъ въ Заблудовьѣ, описано послѣ въ предисловіи ко Львовскому Апостолу; а къ учительному Евангелію, о которомъ мы говоримъ теперь, введеніе предпослалъ самъ Ходкевичъ, по примѣру Венеціанскаго издателя книгъ церковныхъ, Викентія Божидара. Я приведу здѣсь это предисловіе, такъ какъ оно очень примѣчательно въ другомъ отношеніи, свидѣтельствуя древность и твердость православія въ сѣверозападномъ краѣ въ XVI столѣтіи.

„Я, Григорій Александровичъ Ходкевичъ, усматривая великую

---

[1]) Не должны ли были бѣжать наши книгопечатники, и именно предъ окончаніемъ изданія?

[2]) «Егда же оттуда (изъ Москвы) сѣмо (въ Заблудовье) пріидохомъ... воспріяша насъ любезно, благочестивый государь Жикгимонтъ-Августъ, король Польскій и великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жемонтскій, Мазовецкій и иныхъ, съ всѣми паны рады своея. Въ то же время, съ тщаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорей Александровичь Ходкевичъ, панъ Виленскій, гетманъ наивышшый великаго князьства Литовскаго, староста Городеньскій и Могилевскій, прія насъ любезно къ своей благоутѣшней любви, и упокоеваше насъ немало время, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе недоволно ему бѣ. Еже тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми, на упокоеніе мое».

пользу отъ сей книги, пожелалъ, чтобы слово Божіе ею размножалось, и наученіе людей *закону Греческому* ширилося... Я не пощадилъ отъ благодарованныхъ мнѣ сокровищъ дать на сіе дѣло, и привлекъ къ себѣ людей въ томъ друкарскомъ дѣлѣ наученыхъ, Ивана Ѳедоровича Москвитина и Петра Тимоѳеевича Мстиславца. Я велѣлъ имъ, устроивши «варстатъ друкарскій», выдруковать сіе Евангеліе учительное во славу Господа Бога и въ наученіе людей христіанскихъ *нашего закона Греческаго.* Я хотѣлъ было эту книгу для лучшаго разумѣнія простымъ людямъ перевести на простую молву, но мужи мудрые и опытные отсовѣтовали мнѣ, приводя въ доказательство, что «прекладаніемъ съ давнихъ пословицъ на новыя (пословицы), помылка учинится не малая», какъ это и есть въ книгахъ новаго перевода: почему велѣлъ я выдруковать эту книгу, какъ древлеписанную, и къ выразумѣнію нетрудную... Примите ее съ любовію, а я съ Божіею помощію буду промышлять о другихъ книгахъ, нужныхъ для церквей Божіихъ, не пожалѣю никакого иждивенія, и вскорѣ друковати ихъ дамъ" [1]).

Вотъ что̀ и какъ говоритъ Ходкевичъ, панъ Виленскій, гетманъ наивысшій великаго княжества Литовскаго, староста Городенскій и Могилевскій, о законѣ Греческомъ православномъ въ нынѣшнемъ сѣверозападномъ краѣ! Не ясно ли, что католичество водворилось тамъ гораздо въ позднѣйшія времена?

---

[1]) «Азъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, видѣхъ таковое христіанское наученіе въ сей книзѣ, восхотѣхъ, еже бы слово Божіе размножилося и наученіе людемъ *закону Греческаго* ширилося, занеже оскудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ, и не пощадѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищь на сіе дѣло дати; къ тому же изобрѣтохъ собѣ въ томъ дѣлѣ друкарьскомъ людей наученыхъ, Ивана Ѳедоровича Москвитина и Петра Тимофѣевича Мстиславца, повелѣлъ есми имъ, учинивше варстатъ друкарьскій, и выдруковати сію книгу Евангеліе учительное, первое на почесть и похвалу Господу Богу, въ Троицы единому, и къ наученію людемъ христіяньскимъ *закону нашего Греческаго.* Помыслилъ же былъ есми и се, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое: и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые, иже прекладаніемъ съ давныхъ пословицъ на новые помылка учинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу. Того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ выразумѣнію нетрудна, и къ читанію полезна, а наипаче тѣмъ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ искомое обрѣсти восхощутъ, и обрящутъ. Вы же любимии пріимите сію книгу съ любовію, а я, Божіею помощію, о иныхъ книгахъ, церквамъ Божіимъ потребныхъ, промышляти буду и, накладу моего на то наложити не жалуючи, въ скорѣ ихъ друковати дамъ».

Обѣщанія своего Ходкевичъ однакожъ не исполнилъ по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, о которыхъ Иванъ Ѳедоровичъ отзывается также глухо, какъ и о Московскомъ гоненіи: Гетманъ пришелъ въ глубокую старость, — разказываетъ онъ въ томъ же предисловіи къ Львовскому Апостолу, начатому печатаніемъ въ началѣ 1573 года, и откуда мы заимствовали и вышеприведенныя извѣстія, — голова его подвергалась болѣзни, и онъ велѣлъ намъ остановить наши работы, художества рукъ нашихъ вмѣнить ни во что и заниматься земледѣліемъ въ пожалованномъ намъ имѣніи [1]).

Причины эти, очевидно, придуманы были Иваномъ Ѳедоровымъ, ибо въ три-четыре года послѣ его отъѣзда, или еще менѣе, Ходкевичъ не могъ дожить до глубокой старости, ослабѣть и измѣниться до такой степени, чтобы забыть недавно торжественно заявленное свое намѣреніе печатать другія нужныя книги, не щадя никакихъ издержекъ. Говорю: въ три четыре года, ибо Иванъ Ѳедоровичъ предпринялъ новое изданіе во Львовѣ, какъ сейчасъ узнаемъ, 25-го февраля 1573 года; слѣдовательно, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ онъ пріѣхалъ во Львовъ, за годъ или болѣе, а Заблудовское Евангеліе кончено было 17-го марта 1569 года. Надо оставить еще нѣсколько времени на дорогу и на обзаведеніе въ новомъ жилищѣ: вѣроятно, онъ выѣхалъ изъ Заблудовья въ 1571 году. Все это заставляетъ думать, что были другія какія-нибудь причины удаленія нашихъ скитальцевъ: не такія ли же самыя, какія заставили ихъ удалиться прежде изъ Москвы?

Ходкевичъ совѣтовалъ Ивану Ѳедорову заняться земледѣліемъ. Но тотъ не принялъ этого совѣта: въ душѣ у него горѣли иныя желанія и иначе смотрѣлъ онъ на свое назначеніе. „Неудобно мнѣ было", говоритъ онъ, „проводить время своей жизни за раломъ, заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ: духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, духовную пищу раздавать всѣмъ по чину; не рало у меня въ рукахъ, а художество. Я убоялся больше всего истязанія владыки моего Христа, который вопіялъ ко мнѣ безпрестанно: лукавый рабе, и лѣнивый, зачѣмъ не отдалъ ты сребра моего торжникамъ, чтобъ я пришедъ взялъ свое съ лихвою? Сколько разъ, омочая слезами постель свою въ уединеніи, я размышлялъ въ сердцѣ своемъ

[1]) «Намъ работающимъ... егда же пріити ему въ глубоку старость, и во части главѣ его болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣлъ намъ работанія сего престати и художьство рукъ нашихъ ни во чтоже положити, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати».

какъ бы не скрыть въ землѣ таланта, дарованнаго мнѣ Богомъ, и тоскуя духомъ говорилъ: ну, если отринетъ меня Господь и посѣчетъ какъ смоковницу безплодную, которая всуе обременяетъ землю!... [1]). Всего было у меня довольно, по милости пана Григорія Ходкевича, что до пищи, одежды и прочихъ потребностей тѣлесныхъ, но я вмѣнялъ все это ни во что; даже богатство стекалось ко мнѣ многое, но у меня не лежало къ нему сердце. Я рѣшилъ уйдти оттуда, готовый терпѣть всякія скорби и встрѣчать всякія бѣды, лишь бы можно мнѣ было умножить слово Божіе и свидѣтельство Іисуса Христа [2])... Скорби и бѣды дѣйствительно ожидали меня, не только долготы ради путнаго шествія, но и вслѣдствіе *презѣльнаго повѣтрія*, которое дышало всюду и стѣсняло меня по дорогѣ. Вся злая востерпѣлъ я и злыхъ злѣе, и пришелъ наконецъ въ Богоспасаемый градъ Львовъ, пренебрегая все случившееся со мною, да Христа пріобрѣщу" [3]).

Въ Львовѣ новыя испытанія ожидали нашего ревностнаго книгопечатника. Онъ началъ искать средствъ для продолженія своего дѣла. „Любовь Божія возсѣена была въ сердцѣ моемъ Духомъ Святымъ", го-

[1]) «Неудобно ми бѣ раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ, время живота своего сокращати, но имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовныя сѣмена по вселенней разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся стязанія владыки моего Христа, непрестанно вопіюща ко мнѣ: лукавый рабе и лѣниве, почто не вда сребра моего торжникамъ, и Азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою? И когда убо на уединеніи въ себѣ прихождахъ и множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не сокрылъ въ земли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ: еда въ вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всуе землю упражняющу?»

[2]) «Вѣсть бо всякъ, отъ начала прочитаяй вкратцѣ списанную сію исторію, како отъ его милости пана Григорія Ходкевича всякими потребами тѣлесными, пищею и одеждею удоволенъ бѣхъ, но вся сія ни вочто же вмѣняхъ: не уповахъ на неправду и на восхищеніе не желахъ, богатьства аще и много стекалося, не прилагахъ тамо сердца; но паче изволихъ всякія предиреченныя скорби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово Іисусъ Христово».

[3]) «И сего ради понудихся ити оттуду, и въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презѣлному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу, и просто рещи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія человѣколюбія, до богоспасаемаго града нарицаемаго Львова пріидохъ, и вся яже на пути случающаямися ни во что же вмѣняхъ да Христа моего пріобрящу».

ворить онъ, „и я молился непрестанно: услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи, яко пресельникъ я отъ тебя и пришлецъ, какъ и всѣ отцы мои. Ослаби мнѣ отъ страстей моихъ, да полещу дѣяніемъ и почію видѣніемъ и смиреніемъ [1])... Молясь такъ, я приступилъ къ наверстанію богоизбраннаго сего дѣла, обходилъ богатыхъ и благородныхъ людей міра сего, прося у нихъ помощи, и метаніе сотворяя, становился на колѣни и кланялся въ землю, сердечно каплющими слезами омывалъ ихъ ноги. Не однажды это было, не дважды, но много разъ; и наконецъ въ церкви убѣдилъ священниковъ объявлять всенародно о моемъ предпріятіи. Все было напрасно: я не выпросилъ ничего умиленными рѣчами, не вымолилъ ничего многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ никакой милости посредствомъ іерейскихъ чиновъ. Прегорькими слезами я плакалъ о томъ, что не находилъ никого милующаго, никого помогающаго, не только въ русскомъ народѣ, но и между Греками. Наконецъ явились нѣкіе малые, неславные въ мірѣ, отъ іерейскаго чина, которые пришли ко мнѣ на помощь. Не отъ избытковъ, а какъ оная убогая вдовица отъ своего лишенія ввергла двѣ лепты, такъ и они принесли мнѣ свои жертвы. Да воздастъ имъ на нихъ богатодавецъ Богъ въ нынѣшнемъ мірѣ и будущемъ вѣкѣ сторицею" [2]). Нѣкіе малые, неславные, бѣдные мѣщане и поселяне, которые сохра-

---

[1]) «Любовь Божія возгорѣся въ сердцы моемъ Духомъ Святымъ, даннымъ ми, и разсудившу ми се и когда всельшумися въ преименитомъ градѣ Львовѣ, яко по стопамъ ходяще топтаннымъ нѣкоего богоизбранна мужа (?) начахъ глаголати въ себѣ молитву сію», и проч.

[2]) «И помолившумися, начахъ богоизбранное сіе дѣло къ устроенію навершати, якобы боговдохновенныя догматы распространевати, и обтицахъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ и сіе не единою, ни дващи, но и многащи сътворяхъ, и въ церкви священнику всѣмъ въ слухъ повѣдати повелѣхъ: не испросихъ усиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ ни коеяже милости іерейскими чинми, и плакахся прегорькими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помогающаго, не точію же въ Русскомъ народѣ, по ниже въ Грекахъ милости обрѣтохъ; по мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мірѣ, обрѣтошася помощь подающе. Не имѣю бо отъ избытка имъ сія творити, но якоже иная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лептѣ ввергшія: всѣмъ убо, яко въ нынѣшнемъ мірѣ должная ихъ къ нимъ възвратится, въ будущемъ же вѣцѣ отъ богатодавца Бога стократицею воздастся. Молю убо васъ, не прогнѣвайтеся на мя грѣшнаго нищущу ми сія: не мните убо яко отъ чрева глаголати или писати», и проч.

нили и сохраняютъ народное начало, поддерживаютъ народный духъ между Русскими людьми въ Галиціи и Венгріи подъ польскимъ, австрійскимъ и католическимъ игомъ! Честь вамъ и слава, и признательность, святые борцы и мученики русскіе! Богъ воздастъ вамъ за ваше терпѣніе и за ваши страданія сторицею, если не въ семъ вѣкѣ, то въ будущемъ.

Въ заключеніе книги, Иванъ Ѳедоровичъ приглашаетъ читателя свидѣтельствовать благодарность его милости пану Григорію Александровичу Ходкевичу вѣчныя памяти; потомъ же „сыномъ его милости пану Андрею Григорьевичу Ходкевичу, пану подстолему великаго княжства Литовскаго, старостѣ Могилевскому; и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевичу, старостѣ Городеньскому, державцу Линьскому, да проситъ душевнаго спасенія и многолѣтнаго здравія, *понеже бо они виновни суть таковыя пользы*".

Это заключеніе показываетъ, что Иванъ Ѳедоровичъ по отъѣздѣ своемъ изъ Заблудовья остался въ хорошихъ отношеніяхъ къ благодѣтелю своему гетману Ходкевичу, который скончался, видно, вскорѣ по его отъѣздѣ. Онъ приглашаетъ благодарить и дѣтей его, „понеже они виновники суть таковыя пользы". Но что̀ же Ходкевичи сдѣлали для его изданій, когда онъ въ томъ же предисловіи свидѣтельствуетъ въ какой нуждѣ находился, не получая помощи ни отъ кого, кромѣ нѣкоторыхъ бѣдныхъ священниковъ и другихъ малыхъ людей? Развѣ понять эти слова должно такъ, что Ходкевичи позволили ему взять съ собою типографію, которую, можетъ-быть, прежде они пріобрѣли на какихъ-нибудь условіяхъ, и послѣ отказались въ его пользу? Во всякомъ случаѣ здѣсь видна скромность и благодушіе Ивана Ѳедоровича, который въ этомъ отношеніи представляетъ примѣчательное нравственное явленіе.

Апостолъ Львовскій напечатанъ точь въ точь сходно съ Московскимъ. Къ концу приложенъ гербъ города Львова, знакъ печатника и подпись: „Іоаннъ Ѳеодоровичъ друкарь Москвитинъ". Апостолъ начатъ былъ печатаніемъ 23-го февраля 1573 года и конченъ 15-го февраля 1574 года.

О товарищѣ и помощникѣ Ивана Ѳедоровича Петрѣ Тимоѳеевичѣ Мстиславцѣ, уступавшемъ ему, кажется, въ талантахъ или развитіи, въ предисловіи Львовскомъ нѣтъ ни слова. Они разстались по удаленіи отъ Ходкевича. Между тѣмъ какъ Ивана Ѳедоровича мы видимъ въ Львовѣ, Мстиславецъ отправился въ Вильну, гдѣ принятый и упокоеваемый въ домѣ Мамоничей, напечаталъ Евангеліе напрестольное, начатое 14-го мая 1574 и конченное 15-го марта 1575 года. Въ предисловіи никакихъ особенныхъ извѣстій нѣтъ. Сказано только,

что книга издана „умышленіемъ и промышленіемъ его милости пана скарбнаго, старосты Упицкаго, Ивана Семеновича Зарецкаго, и брата его пана Зенова, бурмистра мѣста Виленскаго". За симъ издатель обращается къ читателю, „да проситъ отъ того же богатодавца Бога милости, здравія пану Іоанну и пану Зеновію также и Козмѣ и Лукашу Мамоничамъ, съ благословеніемъ насъ пріемлющихъ (и почихомъ въ душу ихъ, сіе дѣло строихъ въ всемь насъ упокоеваху) многолѣтняго здравія. У Мамоничей напечатана, въ томъ же 1575 году, и Псалтырь, но безъ имени Мстиславца, а только съ обращеніемъ къ милостивому пану скарбному и пану Зенову Зарецкому.

Объ Иванѣ Ѳедоровѣ послѣ 1574 года мы ничего не знаемъ въ продолженіи пяти лѣтъ, до 1580 года, когда онъ является въ Острогѣ у знаменитаго ревнителя православія князя Константина Константиновича Острожскаго, и печатаетъ тамъ Псалтырь и Новый Завѣтъ.

Изложивъ содержаніе обѣихъ боговдохновенныхъ книгъ, издатели обращается къ новому своему покровителю съ слѣдующими словами: „Твое же благочестивое величество... въ сихъ дерзостнѣ и непоколебимо на недвижимомъ камени утверженъ отъ благочестно жившихъ и свято почившихъ нарочитыхъ и великоименитыхъ родителей и прародителей своихъ есть яко свѣтило.... сокровища же своя богато дарованная на небесахъ сокрыти не пощаде... Понудилъ еси насъ недостойныхъ, выше нашея мѣры на сіе дѣло.... Тѣмъ же молимъ вы, съ всякимъ смиреніемъ, о благочестивый княже, да воспріимеши сіе рукодѣліе наше отъ насъ боголюбезно, *яко первый овощь отъ дому печатнаго своего Острозскаго,* въздающи хвалу всѣмъ благимъ содѣтелю Богу; яко да сподобитъ благодатію своею, и сіе желаемое *бытійское дѣло еже начахомъ съвершити,* въ честь и хвалу имени своего святого въ утверженіе церкви Христовой и въ насажденіе всему народу русскому; вашему же княжацкому благочестію съ благодарными ти чады въ вѣчное благословеніе".

Вотъ жизнь славнаго нашего книгопечатника Ивана Ѳедоровича: учился, трудился, старался, успѣлъ, напечаталъ первую книгу въ Москвѣ, принужденъ былъ бѣжать, искалъ вездѣ средствъ дѣлать свое дѣло, кланялся, молился, плакалъ, становился на колѣни, падалъ на землю, унижался, подвергался всѣмъ лишеніямъ, терпѣлъ всякую нужду, не заботясь ни о какихъ житейскихъ выгодахъ и удобствахъ, лишь бы печатать, печатать, печатать, какъ можно болѣе, и распространять слово Божіе, свѣтъ Христовъ; скитался изъ мѣста въ мѣсто Христовымъ именемъ съ своимъ художествомъ, изъ Москвы въ Литву,

изъ Литвы въ Галичину, во Львовъ, изо Львова на Волынь, въ Острогъ, гдѣ и имѣлъ счастіе, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ своего удаленія изъ Москвы, напечатать наконецъ полную Библію; напечаталъ и ушелъ опять во Львовъ, гдѣ вскорѣ и сложилъ свои кости, опочивъ отъ трудовъ, славный друкарь книгъ не виданныхъ!

Принесемъ же ему нашу дань признательности, хоть поздно: онъ достоинъ памятника передъ тѣмъ печатнымъ дворомъ, у Китайской стѣны, гдѣ онъ положилъ основаніе великому дѣлу. Можетъ-быть, когда нибудь, увидимъ мы его подобіе съ заплетенною косичкою сзади, съ Апостоломъ въ рукахъ, опираясь на первый книгопечатный станокъ на Руси.

Примѣчательно сходство обстоятельствъ, въ которыхъ находилась печать при первомъ у насъ водвореніи, съ обстоятельствами, въ которыхъ находится теперь, вмѣстѣ съ гласностію, относительно своихъ враговъ, аггеловъ тьмы. Эти враги ея нынѣ имѣютъ то преимущество предъ своими праотцами временъ царя Ивана Васильевича, что печать въ наше время, принеся великую пользу правительству, народу и вообще просвѣщенію, представляетъ дѣйствительно и нѣкоторыя, сожалѣнія достойныя, уклоненія, нѣкоторыя даже злоупотребленія, особенно смотря со стороны религіозной, которую мы здѣсь въ средѣ духовныхъ книгопечатниковъ, поминая первое Евангеліе и первый Апостолъ, и должны имѣть преимущественно въ виду; но вопервыхъ, эти непріятныя явленія, уклоненія, эти неизбѣжныя всегда и вездѣ злоупотребленія, не значатъ ничего въ сравненіи съ получаемою государствомъ пользою отъ печати и гласности; а вовторыхъ, онѣ всегда могутъ быть устраняемы, ослабляемы и уничтожаемы благоразумною, правою стороною, законнымъ судомъ и противодѣйствіемъ умнаго, благонамѣреннаго, образованнаго, дальновиднаго правительства, на что мы теперь и имѣемъ полное право надѣяться, услышавъ въ концѣ прошедшаго года Августѣйшую волю. Заключаемъ: при царѣ Іоаннѣ Грозномъ печать бѣжала изъ Москвы; при императорѣ Александрѣ Освободителѣ, печать должна утвердиться на основаніяхъ, достойныхъ его царствованія, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, съ гласнымъ судопроизводствомъ, съ земскими учрежденіями, съ Кавказомъ, Амуромъ, Туркестаномъ,—на основаніяхъ достойныхъ XIX вѣка, во славу отечества, ко благу русскаго народа, на пользу православной церкви.

М. Погодинъ.

4-го января 1870 года.

